

Сивка-Бурка.

Жиль старикъ съ
тремя сыно-
вьями, двое изъ
нихъ были умные,
а третій — Ивануш-
ка-дурачокъ. День и
ночь Иванушка
на печи ле-
жить.

Посѣялъ старикъ пшеницу, выросла пшеница густая-прегустая, да повадился ту пшеницу кто-то по ночамъ травить. Вотъ старикъ и говоритъ дѣтямъ:

— Милыя мои дѣти, стерегите пшеницу каждую ночь поочередно: поймайте мнѣ вора.

Приходитъ первая ночь. Пошелъ старшій сынъ пшеницу стеречь, да захотѣлось ему спать: забрался онъ на сѣноваль и проспалъ тамъ до утра. Приходитъ утромъ домой и говоритъ:

— Всю ночь не спалъ, иззябъ совсѣмъ, а вора не видалъ.

На другую ночь пошелъ средній сынъ и тоже всю ночь проспалъ на сѣноваль.

Приходитъ на третью ночь чередъ дураку итти. Взялъ онъ арканъ и пошелъ. Пришелъ на межу и сѣлъ на камень: сидить, не спать, вора дожидается.

Въ самую полночь прискакалъ на пшеницу разношерстный конь: одна шерстинка золотая, другая—серебряная; бѣжить—земля дрожить, изъ ушей дымъ столбомъ валить, изъ ноздрей пламя пышетъ. И сталъ онъ пшеницу ѣсть: не столько ѣсть, сколько топчетъ. Подкрался тихонько дуракъ къ коню и разомъ накинулъ ему на шею арканъ. Рванулъ было конь изъ всѣхъ силъ—не тутъ-то было! Дуракъ уперся, арканъ шею давить. И сталъ тутъ конь дурака молить:

— Отпусти ты меня, Иванушка, я тебѣ пригожусь.

— Хорошо,—отвѣчаетъ Иванушка-дурачокъ,—да вотъ бѣда: какъ я тебя потомъ найду?

— Выйди за околицу,—говорить конь,—свистни три раза и крикни: «Сивка-Бурка, вѣщая каурка! стань предо мной, какъ листъ предъ травой!» Я тутъ и буду.

Отпустилъ Иванушка-дурачокъ коня и взялъ съ него слово—пшеницы больше не ѣсть и не топтать.

Скоро послѣ этого стали по деревнямъ и городамъ послы отъ царя ходить,—кличь кликать:

— Собирайтесь де, бояре и дворяне, купцы и мѣщане и простые крестьяне, всѣ къ царю на праздникъ на три дня; берите съ собою лучшихъ коней, и кто на своемъ конѣ до царевнина терема доскачетъ и съ царевниной руки перстень сниметъ, за того царь свою дочь-царевну замужъ отдастъ.

Стали собираться на праздникъ и Иванушкины братья; не думали они сами скакать, а вѣхали, чтобы на другихъ посмотѣть. Просится и Иванушка съ ними.

— Куда тебѣ, дуракъ,—говорять братья:—людей, что ли, хочешь пугать? Сиди себѣ на печи да золу пересыпай.

Уѣхали братья, а Иванушка-дурачокъ взялъ лукошко и пошелъ грибы собирать. Вышелъ Иванушка въ поле, лукошко бросилъ, свистнулъ три раза и крикнулъ:

— Сивка-Бурка, вѣщая каурка! стань предо мной, какъ листъ предъ травой!

Конь бѣжить, земля дрожить, изъ ушей пламя, изъ ноздрей дымъ столбомъ валить.

Прибѣжалъ и сталъ конь предъ Иванушкой, какъ вкопанный.

— Ну,—говорить,—влѣзай мнѣ, Иванушка, въ правое ухо, а въ лѣвое вылѣзай.

Влѣзъ Иванушка коню въ правое ухо, а въ лѣвое вылѣзъ и сталъ такимъ молодцомъ, что ни вздумать, ни взгадать, ни въ сказкахъ сказать.

Сѣлъ Иванушка на коня и поѣхалъ на праздникъ къ царю. Прискакалъ на площадь передъ дворцомъ, видитъ: народу видимо-невидимо; а въ высококомъ терему, у окна, царевна сидитъ; на рукахъ перстни—цѣны нѣтъ, собою—красавица изъ красавицъ. Никто до нея скакать и не думаетъ: никому нѣтъ охоты навѣрняка шею ломать.

Ударилъ тутъ Иванушка своего коня по крутымъ бедрамъ.

Осерчалъ конь, прыгнулъ, — только на три вѣнца до царевнина окна не допрыгнулъ.

Удивился народъ, а Иванушка повернулъ коня и поскакалъ назадъ; братья его не скоро посторонились, такъ онъ ихъ шелковой плеткой хлеснулъ.

Кричить народъ: «Держи! Держи его!»

А Иванушкинъ ужъ и слѣдъ простылъ.

Выѣхалъ Иванъ изъ города, слѣзъ съ коня, влѣзъ ему въ лѣвое ухо, въ правое вылѣзъ и сталъ опять прежнимъ Иванушкой-дурачкомъ.

Отпустилъ Иванушка коня; набралъ лукошко грибовъ и принесъ домой.

— Вотъ вамъ, хозяйюшки, грибковъ принесъ!— говорить.

Разсердились домашніе на Ивана.

— Что ты, дуракъ, за грибы принесъ? Тебѣ одному только ихъ и ѣсть.

Усмѣхнулся Иванъ и опять залегъ на печь.

Пришли братья домой и рассказываютъ отцу, какъ они въ городѣ были, что видѣли, а Иванушка лежитъ на печи да посмѣивается.

На другой день старшіе братья опять на праздникъ поѣхали, а Иванушка взялъ лукошко и пошелъ за грибами.

Вышелъ въ поле, свистнулъ, гаркнулъ:

— Сивка - Бурка, вѣщая каурка! стань предо мной, какъ листъ предъ травой!

Прибѣжалъ конь и сталъ предъ Иванушкой, какъ вкопанный.

Перерядился опять Иванъ и поскакалъ на площадь. Видитъ на площади народу еще больше преж-

няго; всѣ на царевну любятъ, а прыгать никто и не думаетъ: кому охота шею сломать!

Ударилъ тутъ Иванушка своего коня по крутымъ бедрамъ.

Осерчалъ конь, прыгнулъ и только на два вѣнца до царевнина окна не досталъ.

Поворотилъ Иванушка коня, хлеснулъ братьевъ, чтобы посторонились, и ускакалъ.

Приходятъ братья домой,—а Иванушка уже на печи лежитъ, слушаетъ, что братья рассказываютъ, и посмѣивается.

На третій день опять братья поѣхали на праздникъ; прискакалъ и Иванушка. Стегнулъ онъ своего коня плеткой. Осерчалъ конь пуще прежняго: прыгнулъ и досталъ до окна.

Иванушка поцѣловалъ царевну въ сахарныя уста, схватилъ съ ея пальца дорогой перстень, повернулъ коня и ускакалъ, не позабывши братьевъ плеткой огрѣть. Тутъ ужъ и царь и царевна стали кричать:

— Держи! держи его!

А Иванушкинъ и слѣдъ простылъ.

Пришелъ Иванушка домой: одна рука тряпкой обвязана.

— Что это у тебя такое?—спрашиваютъ у Ивана дома.

— Да вотъ,—говорить,—грибы искалъ, сучкомъ накололся,—и полѣзъ Иванъ на печь.

Пришли братья, стали рассказывать, что и какъ было, а Иванушкѣ на печи захотѣлось на перстень посмотреть. Какъ приподнялъ онъ тряпку, избу всю такъ и освѣтило.

— Перестань, дуракъ, съ огнемъ баловать!— крикнули на него братья.—Еще избу сожжешь; пора тебя, дурака, совсѣмъ изъ дому прогнать!

Дня черезъ три идетъ отъ царя кличъ, чтобы весь народъ, сколько ни есть въ его царствѣ, соби-
рался къ нему на пиръ и чтобы никто не смѣлъ
дома оставаться, а кто царскимъ пиромъ побрез-
гаетъ, тому голову съ плечъ.

Нечего тутъ дѣлать, пошелъ на пиръ самъ ста-
рикъ со всей семьей. Пришли, сѣли за столы дубо-
вые; пьютъ и ѣдятъ, рѣчи гуторятъ. Въ концѣ пира
стала царевна медомъ изъ своихъ рукъ гостей об-
носить. Обошла всѣхъ, подходитъ къ Иванушкѣ
послѣднему; а на дуракъ-то платишко худое, весь
въ сажъ, волосы дыбомъ, одна рука грязной тряпкой
завязана... просто страсть!

— Зачѣмъ это у тебя, молодецъ, рука обвязана?—
спрашиваетъ царевна.—Развяжи-ка!

Развязалъ Иванушка руку, а на пальцѣ царе-
винъ перстень—такъ всѣхъ и осіялъ! Взяла тогда
царевна дурака за руку, подвела къ отцу и гово-
рить:

— Вотъ, батюшка, мой суженый.

Обмыли слуги Иванушку, причесали, одѣли въ
царское платье, и сталъ онъ такимъ молодцомъ, что

отецъ и братья глядятъ и глазамъ своимъ не вѣ-
рятъ.

Сыграли свадьбу царевны съ Иванушкой и
сдѣлали миръ на весь міръ. Я тамъ былъ, медъ,
вино пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не пошло.

